

*Я посвящаю эту книгу своему любимому брату
Мохаммеду Али. Он был моим лучшим другом,
и я горжусь тем, что я его единственный брат.
Мне очень повезло стать частью его жизни.
Я всегда буду за это благодарен.*

Предисловие

Мохаммед Али был решительным, дерзким и отважным. Он преодолевал множество трудностей, ломал стереотипы и вызывал множество противоречий. Али знали во всем мире как великого борца — борца за равные права, против дискриминации. В этом наши взгляды с Мохаммедом сходились: мы оба открыто говорили, что должны обладать такими же правами, как и другие граждане Америки.

Я очень тесно дружил с Али. Мы отлично проводили время вместе, и вообще, Мохаммед был очень веселым человеком. Помню, как-то он предложил:

— Давай пойдем к людям.

— К людям? — озадаченно спросил я. — В смысле, пешком? И что мы будем делать?

А Мохаммед ответил:

— Просто выйдем на улицу и поболтаем с людьми. Дадим им возможность поговорить с нами.

И время от времени мы стали совершать такие прогулки. Благодаря Али люди начинали лучше относиться к самим себе. Я все думал, какой бы еще звезде его масштаба пришлось в голову вот так встре-

чататься с простыми людьми, разговаривать с ними? По-моему, это потрясающе.

У нас с Мохаммедом были схожими главные жизненные ценности: деньгам не нужно поклоняться, самое главное — сохранять человеческое достоинство. Нет ничего важнее этого. И человек, если ведет себя в жизни правильно, способен справиться с любым злом. Никому другому в истории не удавалось так использовать свою известность, как делал это Али.

С Рахманом мы знакомы уже больше полувека. Думаю, у Мохаммеда никогда не было более близкого человека, чем его брат. Здорово, что Рахман решил написать самую правдивую биографию Мохаммеда. Ведь Али — не просто главная спортивная звезда современности. Он любил людей и боролся с дискриминацией: этот великий тяжеловес-чемпион вышел за пределы не только бокса, но и спорта в целом. Мохаммед Али — больше, чем просто спортсмен. История его жизни — важная часть истории всего общества, и без тени сомнения я могу сказать, что наследие Али будет жить еще долгие годы... надеюсь, вечно.

Джим Браун, легенда НФЛ

Введение

Брат для меня всегда был больше, чем просто боксером.

Ни одного другого спортсмена в мире — и, наверное, вообще почти никого из людей, — не любили так, как Мохаммеда Али. Его слава на пике карьеры была мировой, гремела по всему свету. Как спортсмен брат вышел далеко за пределы своего спорта, а как личность воплощал многие лучшие человеческие качества. Кто-то представляет брата шустрым тяжеловесом, уклоняющимся от «кувалд» Сонни Листона, а кто-то — уже более опытным бойцом, который мудро выжидает, пока Джордж Форман растратит свои силы на удары по корпусу. Но я очень давно понял: бокс — это лишь платформа для Мохаммеда: он, «избранный», будет делать все, чтобы любовь, мир и уважение друг к другу объединили людей на Земле.

Никто на свете не был связан с Мохаммедом такими тесными узами, как я, — кроме наших родителей, конечно. Почти всю жизнь я провел рядом с братом. Видел Мохаммеда в его лучших и худших проявлениях: неугомонным проказником и немно-

го завистливым старшим братом, активным борцом за права на публике и тихим семьянином вдали от любопытных глаз. Мы вместе выросли, вместе жили и тренировались, вместе путешествовали и встречались со знаменитостями — с президентами, в том числе, — и даже выступали на одних и тех же вечерах профессионального бокса.

Но жизнь брата никогда не ограничивалась спортом. Несмотря на болезнь Паркинсона, Мохаммед и в последние годы не терял жизненной энергии. До самой смерти он активно защищал права представителей своей религии и в целом всех людей, посвящая себя благотворительности и помощи другим. Весть о его кончине в июне 2016 года породила невиданную волну эмоций и признания его заслуг. Мало о ком написано столько, сколько о Мохаммеде: чаще всего это добрые слова, иногда — вызывающие споры, а некоторые, видимо, сказаны, чтобы запятнать его память. Однако до сих пор в хоре этих голосов не хватало одного, — принадлежащего человеку, который знал Мохаммеда лучше всех, — моего голоса.

Биографию брата рассказывали миллион раз — в книгах, журналах, документальных фильмах, но часто его показывают только легендой, а не живым человеком. Я предлагаю вам по-новому посмотреть на жизнь Мохаммеда и рисую портрет не только человека, которого знаете вы, но и того, которого знал только я, — человека, который, как и все мы, противостоял гневу, страхам, искушениям, но каждый день изо всех сил старался сделать мир немного лучше. Как и у любого другого, у Мохаммеда

были недостатки. Как-то раз он сказал мне: «Спроси у человека в 50 лет, поступил бы он в 20-летнем возрасте в некоторых ситуациях иначе, — и он, конечно, ответит, что да. А если нет, значит, эти 30 лет он прожил впустую». В своей жизни Мохаммед не терял зря ни минуты: например, за те годы, что он не мог заниматься боксом из-за запрета правительства, брат превратился в фантастического оратора, который вдохновлял молодежь.

В детстве Мохаммед говорил: «Я стану самым известным в мире». И мы оба не сомневались, что он добьется успеха. Помню, как-то раз, в зените славы, Мохаммед сказал: «Разве это не удивительно, что наши детские мечты сбылись, что мы достигли всего, чего хотели?» Мне очень многое нужно рассказать миру о Мохаммеде Али, и я постарался сделать это в книге, которую вы читаете.

Братья

Во время родов мой брат чуть не убил нашу маму. У него была просто огромная голова для новорожденного — слишком большая, чтобы выскользнуть естественным путем. Врачи городской больницы Луисвилла, штат Кентукки, сделали все возможное, чтобы брат не умер во время родов, но этого едва удалось избежать. В конце концов доктора решили использовать акушерские щипцы, из-за чего Мохаммед родился с деформированной головой. К счастью, наша бабушка — мама мамы — была рядом, успокаивала и помогала. Убедив маму, что позаботится о ребенке, она взяла на руки моего новорожденного брата и начала мягко растирать ему голову. Не знаю, поэтому ли голова Мохаммеда приобрела такую идеальную форму, но отметина от этих щипцов на его правой щеке сохранилась на всю жизнь. В любом случае, как повторяла мама, с самого рождения было видно, каким красавцем станет мой брат; вот его лицо — в центре тысяч выпусков новостей, прекрасные черты, терзаемые ударами боксерских перчаток, — лицо, которое знает почти весь мир. Мохаммед всегда был краси-

вым, и мама полюбила его в тот же миг, когда впервые увидела.

Однако не все узнавали моего старшего брата с такой же легкостью. Вскоре после родов медсестры положили маме в кровать не того ребенка, и она, еще не вполне придя в себя, поняла это, только когда прочитала бирку с именем. Мама наверняка была в панике, но, как человек уравновешенный, лишь слегка повысила голос, сказав: «Это не мой ребенок». Она всегда смиренно воспринимала подобные унижения — и в этом, как и во многом другом, мама была полной противоположностью отцу. Наконец медсестры принесли моего брата. Потом, через много лет, мама рассказывала, что все малыши в палате вели себя очень тихо, так что и плача почти не слышалось — все, кроме моего брата, который орал не переставая. Он провел в этом мире меньше суток — а уже стал самым громким: заводился как сирена, а вслед за ним и все остальные дети тоже начинали кричать. Только брат мог «взорвать» всю палату. С самого своего рождения Мохаммед громко заявлял о себе.

Я называю своего старшего брата «Мохаммед» вот уже пять с половиной десятилетий, хотя при рождении он получил имя в честь моего отца — Касиуса Клея Марселлуса-старшего. Брат появился на свет 17 января 1942 года, а я — полтора года спустя. Папа обожал Рудольфо Валентино — голливудскую кинозвезду — и решил дать мне имя в его честь — Рудольф Арнетт Клей. Но мой брат называл меня не иначе как Руди, а его в нашей семье всегда звали Джи, потому что «джи-джи» были его первыми

словами. Он повторял их, когда хотел, чтобы его накормили, меняли подгузник или просто взяли на ручки. В 1964 году я взял себе имя Рахман, а он — Мохаммед, но дома его по-прежнему называли Джи — и до сих пор называют. Отца звали Кэш, а маму — Бёрд, птичка, за красивый смех, которым она заливалась, когда папа пел, поддразнивал ее или рассказывал анекдоты.

Наша мама, урожденная Одесса Ли Грэйди, появилась на свет 12 февраля 1917 года. Ее отец, Джон Грэйди, был мулатом — сыном темнокожей матери и отца-ирландца. Джон переехал в Америку в 1877 году из ирландского городка Эннис. После долгого, изнурительного плавания через Атлантику он женился на бывшей рабыне. Наша мама, прекрасная внешне и внутренне, всегда была невероятно мягкой и доброй. Ее — кореянку, с очень светлой кожей — часто принимали за белую женщину даже в те времена, когда принадлежность к определенной расе так влияла на возможности, которые предоставлялись вам в жизни.

К тому же мама почти никогда не злилась и не грустила. Люди любили ее за то, что она была жизнерадостной и излучала внутренний свет. Мама старалась всегда сохранять достоинство и стала воспитывать это в своих сыновьях, едва мы начали говорить. Нас учили проявлять доброту к окружающим, демонстрировать хорошие манеры и уважать старших, вне зависимости от их происхождения. Дружелюбие и щедрость мой брат, несомненно, унаследовал именно от матери.

А еще она была непреклонна во всем, что касалось порядка. Мама не только заставляла нас следить, чтобы мы выглядели всегда опрятно — ее стандарты чистоты распространялись и на весь дом. Мама всегда проверяла, как мы выполнили свои обязанности по дому — каждое утро, прежде чем выйти из дома, надо было застелить кровать, а вещи, которые нужно постирать, — положить в корзину с грязным бельем, а не разбрасывать где попало. Порядок в доме должен поддерживать каждый — и для нас, детей, не делалось никаких поблажек. Однако любимчиков у мамы не было. Мохаммеда, как первенца, она не выделяла, и я искренне убежден, что мама любила нас одинаково.

Во многих отношениях наш отец — ее полная противоположность. Он был талантливым художником и зарабатывал тем, что рисовал вывески в Луисвилле и пригородах. По словам папы, в пятидесятые, когда он начинал, из темнокожих, кроме него и еще одного парня, вывески маслом не рисовал больше никто. Сначала он работал только в черных кварталах, но благодаря сарафанному радио стал получать многочисленные заказы и от белых, несмотря на то, что город тогда был разделен на кварталы по цвету кожи. Даже изображения Иисуса Христа во многих церквях Луисвилла — творения его кисти. Работы, на которых стояло имя отца, можно было встретить в любом уголке города.

Мы с Мохаммедом считали себя его самыми главными фанатами: картины отца нас всегда завораживали. Мы наблюдали, как он создает магию, и его талант художника настолько нас восхищал, что я меч-

тал когда-нибудь научиться рисовать так же здорово, как папа. Именно пример отца вдохновил меня заниматься живописью, когда я стал взрослым, хотя, по-моему, его уровня я так и не достиг.

Как-то раз он сказал Мохаммеду: «Ты должен стать юристом или врачом», но так сложилось, что в жизни брат проявлял другие способности, доставшиеся от отца в наследство. Папа был не только талантливым художником, но и прирожденным актером — он обожал петь и танцевать. Отец был шоуменом и отлично изображал звезд тех лет, распевая шлягеры после работы в нашем уютном доме. А еще его знали как любителя экстравагантно одеваться. По вечерам этот красивый, ухоженный темнокожий мужчина надевал начищенные ботинки, узкие брюки, свежую рубашку и заваливался в джаз-клуб, где танцевал до утра. У него была особая манера говорить — он тараторил, будто торопясь все высказать. «Кассиус, давай-ка помедленнее, а то я почти ни слова не понимаю», — говорила мама: она и не предполагала, что однажды эта способность отца выстреливать слова с бешеной скоростью сыграет такую важную роль в карьере моего брата. Мы с Мохаммедом не сомневались, что папа имел все шансы стать звездой шоу-бизнеса, но, по его словам, сделать такую карьеру он не мог из-за цвета кожи, ведь для темнокожих в то время были закрыты многие дороги.

А еще отец, к сожалению, имел репутацию пьяницы и бабника. Маме всю жизнь приходилось мириться с тем, что ее муж — любитель погулять. Время от времени мы становились свидетелями ссор наших

родителей, и Мохаммед эти моменты ненавидел. Он залезал под кровать или прятался с головой под одеялом. И сгрэбал в охапку меня, своего младшего брата, — мягко, словно стараясь защитить. И все же наши родители любили друг друга, хотя и сильно различались характерами. Отец был очень суровым — не из тех, кто проявляет свою любовь. Самое неприятное, что, напиваясь, он начинал скандалить с мамой, иногда даже бил ее. В целом он был вполне дружелюбным человеком и старался уважать окружающих, но ссоры родителей сильно повлияли на нас с Мохаммедом — думаю, во многом поэтому в будущем мы оба старались лучше относиться к женщинам, находящимся рядом с нами.

Наших родителей объединяла религия. Убежденные христиане, они строго следовали учению Библии. Помню, утром в воскресенье мама всегда особенно тщательно одевала нас с Мохаммедом, и мы шли в церковь, чтобы послушать проповедь преподающего Уилсона. И хотя дома мама обычно проявляла свою любовь и осыпала нас ласками, в церкви она не выражала открыто своих эмоций — не кричала, как некоторые прихожане. На людях мама всегда вела себя тихо и спокойно, хотя ее сыновья и не унаследовали эти черты.

* * *

В детстве Мохаммед был невероятным непоседой. О таких говорят, что у них шило в одном месте, — он просто не мог усидеть без дела. А еще влезал в каждый разговор, даже когда в этом не было